



ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (Раздел учебного пособия)

М.В.Ильин, А.Ю.Мельвиль, Ю.Е.Федоров

ИЛЬИН Михаил Васильевич, МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, ФЕДОРОВ Юрий Евгеньевич — профессора кафедры политологии Московского государственного института международных отношений МИД РФ .

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня у нас политическая наука — общепризнанная учебная дисциплина. Преподается практически во всех высших учебных заведениях страны и даже в ряде средних. Но так было не всегда. Еще каких-нибудь 15-20 лет назад желающий изучать политическую науку молодой человек мог бы услышать от своего профессора, что так называемая политология — это "все буржуазные выдумки", а политику, как и в целом надстройку над экономическим базисом, изучают в рамках исторического материализма и научного коммунизма. Существовала, правда, и прежде Советская ассоциация политических наук, созданная в 1955 году, но она включала узкий круг "советников вождей" да сотрудников академических учреждений, которым приходилось действительно заниматься исследованием отдельных проблем политики на уровне, соотносимом с достигнутым мировой политологией. В позднебрежневские времена состав ассоциации несколько расширился, стали возникать ее отделения. Членство в ассоциации позволяло хоть немного расширить весьма относительную профессиональную автономность отечественных исследователей политики.

Перестройка принесла оживление интереса к политике, ставшего, увы, слишком поверхностным и "радикальным" по чисто внешним проявлениям. Вообще само понятие радикализма получило у нас крайне искаженную трактовку. В его основе лежит латинское слово *radix* — "корень", которое во множественном числе (*radices*) также означало "основания, происхождение, начала". В данной понимании быть радикалом и должно было бы указывать на способность и стремление дойти до самой сути, обратиться к истокам проблем, упорно и последовательно работать ради этого. Такая исходная идея оказалась вытеснена представлением о быстрой и "решительной", т.е. необдуманной и спонтанной, реакции на острый вызов. Вот и интерес к политике и политологии последнего десятилетия получился "радикальным". Возобладала наивная вера в то, что понять и освоить политику, а также утвердить политологию как академическую дисциплину будет крайне легко. Были бы желание и "воля". Были бы сняты гласные и негласные запреты.

Результатом стало появление весьма незамысловатой "политологии", где прежние "ложные" выводы были немедленно и "радикально" заменены на прямо противоположные. Замена знака оценки не была, однако, сопряжена с прояснением фундаментальных начал политики и методологии, ее анализа. Бытовали представления о том, что политику что-то "детерминирует" (не экономика, так "цивилизация", не требования классовой борьбы, так "общечеловеческие ценности"), что "объективные законы" всемогущи и истинны, а отдельные граждане и их организации руководствуются эгоистическими и ложными интересами, оказались воспроизведены почти со стопроцентной точностью, хотя и в несколько ином идеологическом оформлении.

За прошедшие с того времени годы все больше людей начинает сознавать, что становление в нашей стране политологии как научной и учебной дисциплины немислимо без возрождения отечественных традиций изучения политики и без включения в мировой контекст развития политических наук и их преподавания. А это означает учет результатов по меньшей мере полутора столетий работы наших

соотечественников и примерно такого же по продолжительности периода существования политологических кафедр и факультетов в университетах Запада.

Авторы данного учебника намереваются использовать позитивный опыт российских и зарубежных предшественников. Содержание и структура предлагаемого учебного пособия отражают практический опыт преподавания комплекса политических наук, накопленный на кафедре политологии МГИМО (Университета) МИД РФ, которая была создана совершенно заново в 1990 году усилиями политологов, работавших прежде в институтах Академии наук. В своей педагогической деятельности сотрудники кафедры ориентируются на мировой опыт изложения материала, стараясь учитывать наиболее успешные и зарекомендовавшие себя программы и учебники, разработанные в ведущих университетах США и Европы, а также труды российских политических мыслителей, нередко, к сожалению, малоизвестные в своем собственном Отечестве.

Отчасти эта последняя проблема уже начинает решаться за счет постепенного переиздания старых книг и публикаций переводов. К сожалению, учебная литература пока еще слабо учитывает потребность как в восстановлении отечественных традиций, так и в знакомстве с достижениями зарубежной политологии. При всем обилии появившихся у нас в последние годы учебников и учебных пособий по основам политологии и введению в политическую науку, политологических словарей и справочников даже способные их проштудировать студенты вряд ли получат сколь-ни-будь полную картину современных политических наук. И дело тут не в недостатках самих учебников и справочников. Эклектичность построения многих из них, случайность привлекаемого материала, приблизительность и грубость в трактовке основных понятий вполне естественна и извинительна для начального этапа восстановления политологии в нашей стране. Авторы, которые рискнули создавать учебники в столь непростое время, сделали важное усилие, которое еще предстоит по достоинству оценить. Пройдет, вероятно, еще немало лет, пока в нашей учебной и справочной литературе удастся изжить противоречивость изложения и расплывчатость понятий, а также избавиться от налета провинциальности, компенсируемой "радикализмом" формулировок.

Авторы понимают трудность своей задачи, связанную с тем, что в России сейчас, как никогда, требуется отчетливое изложение и раскрытие ключевых категорий, концепций и гипотез политической науки, без знания и понимания которых трудно представить себе квалифицированного специалиста, способного эффективно работать в государственных институтах и крупных частных структурах, заинтересованных в анализе политических событий внутри и вне страны, на равных участвовать в научных дискуссиях с зарубежными коллегами, трудиться в международных организациях.

Вместе с тем авторы сознательно игнорировали распространившиеся в последнее время попытки создания некоей уникальной "русской политологии", круто замешанной на национал-патриотических, великодержавных, т.н. "неоевразийских" концепциях, а точнее мифологиях. Эта позиция объясняется не их интеллектуальной предзаданностью, а убеждением в том, что научные знания в любой области, будь то математика, физика, экономика или политика, не могут быть "прописаны" в изолированные национальные "квартиры". Они делятся на концептуальные школы, хотя на то, как оформляются понятия и логика работы с ними, существенно воздействуют язык, культура и академическая традиция ученых. Будучи при своем зарождении сопряженными с той страной, к которой принадлежат их создатели, научные идеи становятся общим достоянием, "переводятся" в понятия и термины иных академических традиций или же получают новую жизнь в других культурах и языках. Потому нет и не может быть самодостаточной и уникальной российской, американской, немецкой или, например, индийской политической науки. Род людской един. Бдны и человеческие знания о мире, в котором все мы живем, а значит и о важнейшей составляющей человеческого существования — политике. И хотя каждая культура, научная школа, даже каждый политолог и гражданин имеют свои специфические способы и формы представления знаний о политике, политология как наука, как общее творение и достояние "республики ученых" по своему содержанию структурируется в зависимости от избранного

исследовательского подхода и инструментария. К числу их относятся структурно-функциональное и институциональное направления, психоанализ, культурно-цивилизационный и социологический подходы, концепции, разработанные Карлом Марксом и Максом Вебером, Борисом Чичериным и Толкоттом Парсонсом и многими другими выдающимися умами.

В значительной степени задачу подготовки учебника облегчает сама мощь и глубина традиций осмысления политики. Еще Аристотель, а вслед за ним и другие блистательные мыслители считали политическую науку высочайшим из знаний. Уже в древнейшие времена были поставлены многие из тех проблем, над которыми продолжают биться и наши современники. Что такое политика и чем она отличается от других аспектов человеческой жизни? Какую роль в политике играют власть и авторитет, разум и убеждение? Что общего в разных политических системах и что в них различного? Как люди ведут себя в сфере политики? В чем особенности "человека политического"?

"Надо, вероятно, признать, что высшее благо относится к ведению важнейшей науки, которая главным образом и управляет. А такой представляется политика. Она ведь устанавливает, какие науки нужны в полисе, что и в каком объеме должен изучать каждый. Мы видим, что наиболее почитаемые умения, а именно умения в военачалии, хозяйствовании и красноречии — подчинены политике. А поскольку эта наука о полисе пользуется остальными науками как средствами и, кроме того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от которых воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей вообще".

Аристотель "Никомахова этика"

"Из всех мирских наук самая благородная наука и всем госпожа — это политика, или королевская мудрость. И из всех наук она наиболее пристойна королям и их советникам".

Политическая мысль накопила огромное богатство идей, которые изучаются в рамках специальной политологической дисциплины — истории политических учений. Однако при всей значимости достижений эллинской и римской античности, великодушных памятников ближневосточной, индийской и дальневосточной политической мысли, основы политической науки были заложены в Западной Европе, когда в самое плодотворное время "осени средневековья", с середины XIII в. на основе схоластики, выработавшей безукоризненную строгость интеллектуальной работы, возникает ученая дисциплина, которая именуется или *ars politico*. — "политическое искусство" (Альберт Великий), или *scientiapolitico*. — "политическая наука" (Фома Аквинский), или *doctrinapolitica* — "политическое учение" (Лауро Гвирини), или даже *sanctissima civilis scientia* — "божественнейшая гражданская наука" (Себастьян Брант). Понадобилось немало времени, чтобы эта "политическая наука" после ряда трансформаций превратилась в современную политологию, подобно тому, как средневековая алхимия породила вполне научную химию.

Во второй половине XIX в. европейские и американские университеты начинают открывать профессорские кафедры, а затем и факультеты (школы) политологии. С начала нынешнего века создаются профессиональные объединения политологов. Американская ассоциация политической науки (*American Political Science Association*), основанная в 1903 г., стала одной из первых. В течение 2-3 десятилетий подобные объединения возникли в большинстве стран с сильными академическими традициями. Однако повсеместная и, так сказать, официальная институционализация политической науки приходится на период после второй мировой войны. В 1949 г. создается Международная ассоциация политических наук. Теперь уже ни один уважающий себя западный университет не обходится без кафедры, а то и факультета политической науки. Само понятие политологии (политической науки) закрепляется в академическом лексиконе. Происходит ее методологическое обновление, развитие отдельных отраслей, дисциплин и научных школ.

Авторы данного пособия исходят из того, что при разработке новых курсов по политической науке и входящим в нее научным и учебным дисциплинам есть все основания опираться на уже имеющиеся традиции их преподавания в ведущих мировых университетах. В Сорбонне и Оксфорде, Колумбийском университете и Стэнфорде, Гарвардском университете и Беркли (этот список легко можно продолжить) курсы дисциплин, преподаваемых на факультетах политической науки, как правило, включают изучение национальной (т.е. французской, английской, американской и т.д.) политической системы, сравнительную политику (политологию), историю политических идей и политическую философию, политическую теорию, политическую социологию и политическую психологию, часто — международную политику.

Во многих ведущих университетах мира студенты, изучающие политическую науку, начинают с вводного курса, знакомящего их с основными понятиями и категориями, используемыми при анализе политических явлений и процессов. Преподавание политологических дисциплин в МГИМО построено по аналогичному принципу. Вначале наши студенты знакомятся с базовыми категориями политической науки, входят в курс общей политологической проблематики, а затем приступают к более глубокому изучению отдельных дисциплин политической науки (история политических учений, современные политические теории, политическая психология, политическая социология, сравнительная политология, прикладная политология, политическая система и политические процессы в России и др.).

В ходе вводного курса наши студенты знакомятся с такими базовыми понятиями и категориями политической науки, как политика и политическая власть, личность в политике, политическое поведение и политическое участие, политическая система, политические институты и процессы, политическая идеология и политическая культура, политическое развитие и модернизация, демократия и демократизация и др.

Разумеется, авторы не стремились, да и не могли стремиться к описанию и, тем более, анализу всех направлений современной политической науки или ее "основ".

Подобная задача может решаться лишь в ходе всего процесса обучения и составляет, собственно говоря, его цель. Действительно, лишь после успешного окончания МГИМО или другого вуза аналогичного профиля можно говорить о том, что студент овладел, причем лишь в первом приближении, основами политической науки. В данном учебном пособии основное внимание сконцентрировано на тех категориях и гипотезах, которые вызывают наибольшие трудности для понимания и одновременно представляют наибольшую важность для подготовки студентов к самостоятельному чтению современной политологической литературы и освоению тех или иных специфических политических дисциплин.

Первые подходы к изучению политических дисциплин в их современном виде весьма сложны. Эти трудности связаны с несколькими обстоятельствами.

Прежде всего студенты зачастую сталкиваются с определенными методологическими изъянами в самом преподавании этих дисциплин. Преподаватели нередко поддаются искушению изложить собственное мнение относительно развития политической ситуации в России или где-либо еще, а также поделиться своей точкой зрения на особенности российского исторического пути. Такие рассуждения, как правило, с интересом воспринимаются студентами, но они крайне мало могут дать для овладения научными основами политического анализа.

Другая трудность заключается в том, что слушатели часто ожидают от политической науки немедленных практических рекомендаций или прогнозов в той или иной области политической деятельности. Такие ожидания вполне естественны. В условиях напряженности, характерной для периода крутых социально-экономических изменений, общественное мнение пытается найти ответы на острые вопросы, обращаясь, в частности, к результатам научных исследований, ожидая от ученых, что они подскажут, что именно должно быть сделано для стабилизации общества. Не преодолена до сих пор и наивная вера в то, что наука способна разработать рецепты беспроблемной стратегии, способной принести успех в любой ситуации.

Подобные ожидания во многом стимулируются многочисленными публикациями в средствах массовой информации, а также разного рода разработками, принадлежащими перу людей, гордо, хотя часто безо всяких на то оснований, именующих себя "политологами". В России, особенно в период предвыборных кампаний, эпидемия подобных публикаций достигает невиданного размаха. Однако сопоставление результатов выборов или иных элементов политического процесса с выводами и прогнозами упомянутых "политологов" свидетельствует, как правило, либо о несостоятельности последних, либо о том, что их заключения не выходят за рамки банальных, самоочевидных размышлений, закамуфлированных подчас квазинаучной терминологией. В этом своем качестве такого рода публикации и разработки дискредитируют политическую науку.

Дело здесь не только и не столько в уровне компетентности "экспертов" и "аналитиков", сколько в том, что политическая наука по самой своей природе не является набором рекомендаций, предназначенных для непосредственного практического использования. Цель политологических дисциплин — вовсе не в том, чтобы разработать сценарий, обеспечивающий приход к власти, победу на выборах или способ разрешения того или иного конфликта. Политологи, политические ученые — отнюдь не имиджмейкеры или консультанты по политической рекламе, которым, впрочем, также требуется основательная профессиональная подготовка в области политической науки.

Да и политические деятели далеко не всегда обращаются к трудам ученых при принятии ответственных решений. Трудность таких решений, кстати говоря, часто состоит отнюдь не в том, что не ясны их последствия. Во многих случаях их можно в целом предвидеть. Проблема, стоящая перед национальными лидерами, заключается в том, чтобы соотнести эти последствия с интересами различных социальных групп и политических сил, выбрав такой вариант, который в наибольшей мере позволяет политической системе работать, а гражданам — участвовать в политическом процессе.

В современной России дефицит политической организации и, особенно, гражданской самоорганизации ведет к тому, что не хватает ресурсов для обеспечения всех общественных потребностей, и потому лидерам приходится выбирать, чем можно пренебречь, интересами каких групп, сил и партий можно "поступиться". В этих условиях выбор, по сути дела, часто приходится делать не между "плохим" и "хорошим", а между "плохим" и "очень плохим" вариантами политического курса. Но такой выбор политические деятели осуществляют, по преимуществу руководствуясь собственной интуицией и интересами, но отнюдь не научными рекомендациями.

Тогда, однако, возникает естественный вопрос — в чем, собственно, заключается прагматическая ценность политической науки и отдельных ее дисциплин вообще и с точки зрения российского студента, в частности? Ведь, по правде говоря, лишь единицы из них, как, впрочем, и в других странах, способны заинтересоваться самим процессом и самой логикой научного исследования политических явлений, абстрагируясь от их прикладного значения.

В самом общем плане практическая польза этих наук состоит в том, что они вырабатывают понимание политического процесса не как хаотической совокупности случайных шагов и действий, предпринимаемых теми или иными лидерами или политическими организациями, но как логического взаимодействия политических волей и интересов, реализации возможностей политической организации. Как и любые другие отрасли социального знания, политическая наука ориентирована прежде всего на объяснение происходящих событий в их взаимосвязи друг с другом, на анализ факторов, обуславливающих политическое поведение личностей и организаций. Она формулирует подходы и предпосылки, позволяющие описать в относительно точных терминах, систематизировать и свести в единую, логически непротиворечивую модель разноплановые, кажущиеся внешне не связанными друг с другом явления и процессы, протекающие в политической сфере, оценить различные гипотезы, объясняющие настоящее и прогнозирующие различные варианты будущего.

Иными словами, научное знание о политике способно упорядочить существующую в нашем сознании картину представлений о политической жизни. По сей день актуально высказывание Аристотеля, который четко сформулировал ориентацию науки на поиск и объяснение причин, порождающих те или иные явления в природе и обществе. "Научить, — подчеркивал он, — способна более та наука, которая исследует причины, ибо научают те, кто указывает причины для каждой вещи".

На этой основе могут уже вырастать различные прикладные исследования, позволяющие сформулировать оптимальную стратегию политического поведения, оценить достижимость тех или иных целей, последствия тех или иных акций с точки зрения массовой реакции на них. Сложность, однако, заключается в том, что подобные прикладные исследования никогда не смогут заменить собой творческий процесс принятия политических решений. Иначе говоря, всегда приходится помнить о различии политики как науки и как искусства особого рода. В лучшем случае прикладные изыскания способны ответить на вопрос о том, как отреагирует тот или иной политический субъект на планируемую акцию в конкретных условиях. Они могут объяснить процесс формирования тех или иных общественно-политических ценностей и идеологий, но они не могут и не должны заменять собой сами эти ценности и идеологии, на основе которых формулируются доктрины и принимаются решения. Они, наконец, не в состоянии объяснить интуицию политических деятелей, позволяющую им ориентироваться на наиболее вероятные, недалеко не очевидные варианты развития событий.

Вместе с тем прикладная ценность политической науки определяется тем, что политическое поведение масс и отдельных личностей не является случайным. Оно в определенных пределах детерминировано факторами и обстоятельствами различной природы. И в той мере, в какой ученые способны понять и объяснить механизмы этой детерминации, их предложения могут иметь практическое значение.

Существует и другой комплекс проблем, затрудняющих на первых этапах понимание современных политологических дисциплин. Многие понятия и категории,

использующиеся в этих науках, употребляются в нескольких значениях, выражают сложные, нетривиальные смыслы. Часто студенты, не имеющие навыков строгого мышления, склонны употреблять соответствующие слова в их упрощенной, нередко бытовой интерпретации, которая в большинстве случаев имеет мало общего с научной. В результате целые пласты научного знания остаются непонятыми или понятыми неправильно. Отсюда вытекает достаточно сложная как для студентов, так и для преподавателей задача — с самого начала предельно четко определять смысл и значение используемых терминов и понятий.

Теперь несколько слов о структуре изложения материала в нашем учебном пособии. Пособие построено нами таким образом, чтобы, с одной стороны, помочь студенту подготовиться к лекциям и семинарам, эффективно усвоить предлагаемый там учебный материал, а с другой — служить постоянным справочным подспорьем в самостоятельной работе и в подготовке к зачетам и экзаменам.

Каждый раздел представляет собой отдельную учебную тему, проработке которой отводится одна-две лекции и одно-два семинарских занятия (в зависимости от того, является ли курс семестровым или двухсеместровым). Открывается раздел несколькими общими проблемными вопросами, призванными сконцентрировать студента на проблемах, которые будут рассматриваться на лекции или лекциях.

Следующий далее конспект лекции отражает, естественно, только наиболее важные и принципиальные положения, обуславливающие содержательный и методический каркас лекции. После этого мы в традиционной форме даем вариант методических разработок для семинарских занятий, т.е. план семинара и рекомендуемую литературу.

И последнее замечание. Один из авторов учебника обычно начинает свою первую лекцию по основам политологии с того, что говорит студентам: "Я не могу научить вас политологии. Но я могу только помочь вам самим овладеть политической наукой". Учебник в еще меньшей мере способен чему-то механически научить. Это всего лишь помощь для вашей самостоятельной работы, точка опоры, которая может послужить если не тому, чтобы перевернуть мир, то во всяком случае — освоить начала политологии. Но сделать это вы должны сами. Были бы силы, настойчивость и желание.

ПОЛИТИКА И ПОЛИТОЛОГИЯ

Проблемные вопросы:

1. Что такое политика? Чем она отличается от других сфер жизни?
2. Какие области человеческого существования связаны с политикой?
3. Что можно считать собственно политикой, где ее границы?
4. Каковы критерии научного знания?
5. Возможна ли наука о политике?
6. Как, какими способами можно изучать политические явления?

Конспект лекции

Дисциплина, которую нам предстоит изучать, сейчас у нас обычно называется политологией (от "полис", что по-древнегречески означает политическое целое, система, и "логос", т.е. слово, закон, наука). В иных академических традициях она именуется политической наукой или науками, но чаще всего — просто политикой. Надо признать, что нередко сам предмет изучения, понятие о нем и предмет как дисциплина преподавания (еще одно характерное совпадение) словесно

отождествляются. Что такое закон всемирного тяготения? Явление физической реальности? Выведенная Ньютоном формула зависимости взаимодействия масс от расстояния? Часть классической физики? Раздел физики как предмета, изучаемого в школе? В обыденной речи мы не отличаем одно от другого. Вплоть до конца прошлого века в России, а во многих "консервативных" странах и по сей день слово "политика" оказывается способно обозначать одновременно и определенный род человеческой деятельности, и формирующиеся в этой деятельности способности (искусства и знания) , и ту реальность, которая этими знаниями и искусствами творилась, и, наконец, специальные усилия по формированию политических способностей, знаний и умений. Поэтому до сих пор англичане и американцы, например, продолжают упорно именовать политикой и нашу академическую дисциплину в целом, и ее отдельные разделы, а также отдельные курсы, преподаваемые в университетах (введение в политику, сравнительная политика, муниципальная политика и т.п.).

Что же такое политика? Чем она манит к себе людей? Почему о ней говорят и спорят?

Для одних авторов политика — высшее проявление человеческой природы, для других — гнездилище низменного в человеке. Платон считал ее самым высоким, "царственным искусством". А Николай Бердяев писал о своем отвращении к политике, которую называл самой зловещей формой объективации человеческого существования, основанной на лжи. В отличие от этих крайних точек зрения Макс Вебер прямо называл политику сплавом божественного и дьявольского начал, причем последнее, по его словам, слишком часто держит в ней верх. Он же дал всеохватывающее определение политики как деятельности по самостоятельному руководству.

"Что мы понимаем под политикой? Это понятие имеет чрезвычайно широкий смысл и охватывает все виды деятельности по самостоятельному руководству. Говорят о валютной политике банков, о дисконтной политике имперского банка, о политике профсоюза во время забастовки; можно говорить о школьной политике городской или сельской общины, о политике правления, руководящего корпорацией, наконец, даже о политике умной жены, которая стремится управлять своим мужем"

Макс Вебер, "Политика как призвание и профессия"

Чтобы выяснить пределы и контуры политики, целесообразно было бы уточнить, что же не является политикой. Один из первых политических мыслителей Аристотель, создавший само слово и понятие ПОЛИТИКА (так называлась его знаменитая книга, что означало "полисная"), считал, например, что "полисное животное", или человек, может существовать только в полисе, т.е. в политической реальности. Вне этой реальности, вне политики он становится либо животным, либо богом, либо сверхчеловеком, либо недоразвитым в нравственном отношении существом. Иными словами, вне политики человек либо принадлежит природе, либо миру чистого духа.

"Человек есть существо политическое (дословно "полисное"), а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне полиса, — либо неразвитое в нравственном отношении существо, либо сверхчеловек. Его и Гомер поносит, говоря "без роду, без племени, вне законов, без очага". Такой человек по своей природе только и жаждет войны... Тот же, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет частички полиса, становясь либо животным, либо божеством. Во всех людей природа вселила стремление к политическому (дословно "полисному") общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, — совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, — наихудший из всех..."

Аристотель, "Политика "

Забегая несколько вперед, отметим, что сходным образом описывает человеческий мир или социальность (=аристотелевская политика, полисность) выдающийся американский обществовед Толкотт Парсонс (1902-1979). Как и Стагирит (прозвище Аристотеля, означающее "уроженец Стагир"), он ограничивает человеческий мир, с одной стороны, физико-органической реальностью (здесь человек в аристотелевском смысле еще животное), а с другой — областью "конечных идей" (здесь человек уже "бог" — не нуждается ни в политике, ни в согражданах). Всю же остающуюся в промежутке реальность Парсонс отнюдь не закрепляет за политикой, а делит на четыре равноправных, условно выделяемых "аналитических проекции" нашего жизненного мира — экономическую (на основании функционального императива адаптации), политическую (целедостижение), социетальную или "общност-ную" (интеграция) и культурную (обеспечение образцов). Однако о соотношении этих "проекций" или систем нашей жизненной реальности и месте среди них политики речь пойдет позднее.

Впрочем, и Аристотель не считал политическим весь промежуточный человеческий мир. Это мир общения и общности людей — и то, и другое слиты в едином понятии койнонема или койнония. Общение-общность можно обнаружить в семье, где она выражена непосредственно и потому, по мнению Стагирита, несовершенно. В полной же мере общение-общность реализует себя, становится совершенной в полисе. Здесь койнонема достигает своего логического развития в качестве полисной или, говоря привычными словами, политической. Однако рядом с ней сохраняется общение несовершенно, непосредственное, которое только в потенции обладает некими политическими задатками и своим несовершенством оттеняет собственно политическое общение.

"Всякий полис является своего рода общением. Общение же организуется ради некоего блага... К высшему же из благ устремлено то общение, которое является наиболее существенным и объемлет собой все остальные. Это общение называется полисом или общением политическим... Один только человек из всех живых существ одарен речью... Это свойство людей, отличающее их от всех остальных существ, ведет к тому, что только человек способен к чувственному восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость... А совокупность всего этого и создает основу семьи и полиса. Первичным же по природе (т.е. по существу — Авт.) является полис сравнительно с семьей и каждым из нас.... Поэтому-то я и определяю семью и поселение, и полис как общение, а полис называю вполне завершенным и совершенным общением".

Аристотель, "Политика"

В понимании Аристотеля политика вырастает из дополитического состояния войны (вспомним — и недочеловек, и сверхчеловек "по природе своей только и жаждет войны"), противоречащего природе, или сущности, человека общительного. И хотя другой великий политический мыслитель Томас Гоббс называет такое состояние "войны всех против всех" естественным, общее понимание происхождения политики как преодоления и отрицания вражды и грубого насилия объединяет и Аристотеля, и

Гоббса, составляя магистральную линию, фундаментальный стержень всей политологической традиции понимания природы политики.

"Пока люди живут без общей власти, держащей их всех в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех. Ибо война есть не только сражение, или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения... Вот почему все, что характерно для времени войны, когда каждый является врагом каждого, характерно также для того времени, когда люди живут без всякой другой гарантии безопасности, кроме той, которую дают их собственная физическая сила и изобретательность. В таком состоянии нет места трудолюбию,... нет общества, а, что хуже всего, есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, а жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна..."

Томас Гоббс, "Левиафан"

Самые разнообразные основания и разноречивые аргументы используются для того, чтобы едва ли не все политические мыслители и политологические школы сошлись в том, что сутью политики является возвышение человека над звериным состоянием — считать ли его естественным или противоестественным. Такое возвышение создает политику и осуществляется благодаря ней.

Как бы конкретно ни трактовали политику разные авторы, большинство сходится на том, что с политикой мы имеем дело там, где:

а) определяются общие цели и принимаются согласованные решения об их достижении;

б) отдельные люди или целые группы осуществляют контроль за целедостижением с помощью власти — символического посредника (стандарта, средства, меры) политического общения, позволяющего выдерживать стандарты принятых решений, согласовывать средства их осуществления, наконец, служить мерой достижения целей;

в) возникают устойчивые формы согласования целедостижения (политические институты), а также привычные способы их развертывания (политические процессы);

г) формируется целостная система власти, институтов и процессов, обладающая собственной логикой и способная к самовоспроизводству и развитию;

д) люди обладают способностью использовать политические институты, включаться в политические процессы и находить свое место в политической системе благодаря овладению и/или творческому созданию соответствующих ролей.

Таким образом политика может быть в самой общей форме определена как особая сторона человеческого существования, связанная с целедостижением и организацией, а значит прежде всего с развитием способностей к целедостижению и организации. В связи с этим понятным становится разноликость "политик", о которых говорил Вебер. В любой сфере человеческой жизни — будь то хозяйственная, семейная или культурная — есть необходимость в целедостижении и организации, следовательно, и в соответствующей политике, вплоть до политики умных студентов по отношению к преподавателям.

Возвращаясь к идее Парсонса об "аналитических проекциях", можно интерпретировать отмеченный феномен экономической политики как проявление функционального императива целедостижения и организации в преимущественно хозяйственной деятельности — адаптации или использовании вещества, энергии и прочих ресурсов для обеспечения удобств жизни. Сходным образом могут быть представлены и другие специализированные "политики".

Все это, однако, лишь частные, несамостоятельные "политики", число которых может быть умножено — налоговая, демографическая, научная и т.п. А может ли существовать политика как таковая? Несомненно. Суть такой политики составит развитие универсальных (всесторонних) способностей целедостижения и организации, накопление соответствующих ресурсов и потенциала. "Чистая политика" — *politiquerer se* — создается правительствами, представительными и законодательными органами, судебными и муниципальными властями не для какой-то заранее заданной задачи, но для решения принципиально любых проблем.

Степень развитости универсальных способностей целедостижения и организации является показателем совершенства политики. В этом отношении аристотелевская идея совершенного общения ориентирована на высший стандарт развития политики. Стагирит обращает внимание на различия в общении, служащем, как мы можем теперь понять, целедостижению и организации, между хозяином и рабом (греком и варваром), между отцом и детьми, между супругами, между равными и полноправными гражданами полиса. И тут начинают прорисовываться различия между общением деспотическим (дословно "домовластительским") и общением полисным. Развивая этот подход, можно выделить три основных типа политики по уровню ее сложности и развитости: директивно-деспотический (суть — конфликт, борьба, волевое навязывание целей и путей их достижения); функциональный (суть — разделение и согласование обязанностей и полномочий ради сохранения целостности и эффективности политического сообщества, т.е. упорядочивание); коммуникативный (суть — свободное обсуждение и выработка принципиально новых возможностей целедостижения и организации).

Директивно-деспотическая политика в наибольшей мере несет на себе печать "звериной природы" — т.е. прямого принудительного насилия. Здесь, правда, уже нет и не может быть "войны всех против всех", а возникают замкнутые общности "своих". Они, однако, жестко и враждебно противостоят общностям "чужих". Организация проста и незамысловата. Основной ресурс — сплоченность и воля "своих". Первостепенное внимание уделяется, как правило, силе и другим "ресурсам" политики, что является хорошо известным феноменом политики силы. В ее основе — принципы "игры с отрицательной суммой": соперники стремятся нанести ущерб друг другу, а "побеждает" тот, кто понес меньший урон.

"Может быть, кто-нибудь подумает, что такого времени и такой войны, как изображенные мною, никогда не было; да и я не думаю, чтобы они когда либо существовали как общее правило по всему миру. Однако есть много мест, где люди живут так и сейчас. Например, дикие племена во многих местах Америки не имеют никакого правительства, кроме власти маленьких родов-семей, внутри которых мирное сожительство обусловлено естественными вождениями, и живут они по сию пору в том животном состоянии, о котором я говорил раньше. Во всяком случае, какова была бы жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны".

Томас Гоббс, "Левиафан"

Проявления подобной примитивной политики характерны не только для времен дикости. Ее выражением в наши дни является одержимость т.н. политической борьбой с резким разделением на "своих" и "чужих", на "подлинные" и "мнимые" интересы, на "истинный" и "ложный" выбор. Особенно отчетливо грубый примитивизм директивно-деспотической политики выражается в идеологической или же в национальной непримиримости, порой маскируемой "правоверностью", нежеланием "поступаться принципами".

Директивно-деспотическая политика проста, основана на незамысловатых институтах, процессах и ролях. Они легки для понимания, прозрачны и, если воспользоваться модным ныне словечком вполне директивно-деспотического толка, — "однозначны". Однако эта кажущаяся "однозначность" на деле амбивалентна, т.е. двойственна, двусмысленна. Вовлеченные в директивно-деспотическую политику люди оказываются одновременно господами-рабами, жертвами-палачами и т.п. Да и сам деспот — всевластный на первый взгляд, на поверку оказывается заложником общих настроений "рода" и слепым исполнителем его спонтанно проявляющихся устремлений.

Постепенное понимание неоднозначности политики, или хотя бы отдельных жизненных ситуаций и проблем целедостижения помогает обогатить репертуар

поведения, сделать более четкими и разнообразными роли и институты, все увеличивающиеся по своему количеству. Появляется возможность освоить следующий уровень сложности. Перенесение внимания с простых количественных ресурсов на организующие связи и качественные характеристики этих ресурсов позволяет вскрыть "правила игры" или, говоря словами Платона, "царственное искусство плетения", соединения разных человеческих нравов и призваний. Возникает уже вполне функциональная, нередко технократического толка политика. Порой такая политика может быть связана с утопическими иллюзиями, с попытками жестко регламентировать политическую жизнь — обвинение, которое нередко и не слишком справедливо высказывается в адрес того же Платона.

"Итак, вот что мы называем завершением полисной ткани — царственное искусство верным плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в полисе — и свободных, и рабов, держит их в узах, направляет и руководит полисом, никогда и ничего не упуская из виду, что может сделать его счастливым, насколько это возможно".

Платон, "Политик"

Разнообразие ролей и институтов, упор на их качественные характеристики и возможность весьма прихотливого соединения друг с другом становятся важным достижением. В ход идет логика точно выверенных балансов и компромиссов. Это логика "игры с нулевой суммой" — каждый в конечном счете должен получить ровно столько, сколько отдает. И общий, и частный "выигрыш" заключается в недопущении "ущерба".

Функциональная политика также не слишком современна по сути, но очень широко распространена и в наши дни. Ее характерное, но далеко не единственное проявление — бюрократия, отчетливо выражающая рациональность обезличенных ролей и правил поведения. Возможности бюрократической организации с ее четким, раз и навсегда определенным порядком на поверку оказываются ограничены. Нестандартные ситуации ведут к сбоям или, выражаясь политологическим языком, дисфункциям жестких схем поведения. Рациональная бюрократия оборачивается бессмысленным бюрократизмом.

Значительное обогащение ролей и институтов, придание им разнообразия, стремление избежать дисфункций бюрократизма и заорганизованности ведут к следующему уровню усложнения политики. Задача заключается в том, чтобы сделать организацию гибкой, научиться варьировать институты и роли в зависимости от меняющихся обстоятельств и условий. Это становится возможно при условии, что новая логика политики допускает выработку "правил игры" по ходу дела. Чтобы не допустить при этом деградации в спонтанную, чисто ситуативно определяемую директивно-деспотическую политику, создание таких правил ограничивается

введением "правил выработки правил", т.е. конституционности. Это дает возможность использования новых ресурсов и политических акторов (деятелей или субъектов политики) или, что даже более характерно, качественной переоценки, повышения возможностей все тех же, казалось бы, ресурсов и ролей.

Осуществление подобной политики возможно только при условии приспособления друг к другу различных ресурсов политики и правил игры. Это политика сотрудничества или согласия. Она требует интенсивного и содержательного общения, обсуждения альтернатив, оценки многообразных комбинаций и нестандартных решений, возникающих в процессе организации и целедостижения. Подобную политику можно по справедливости назвать коммуникативной, отталкиваясь от предложенной выдающимся немецким философом Юргеном Хабермасом идеи т.н. коммуникативного действия — взаимодействия, основанного на взаимопонимании.

Логику коммуникативной политики составляет "игра с положительной суммой". Содержательное общение, свободное обсуждение или "взвешивание" (делиберация от лат. *deliberatio*) политических альтернатив позволяют найти и использовать новые, прежде немыслимые возможности. Это и дает общий "выигрыш".

Усложнение политики, переход от директивно-деспотической к функциональной, а от нее — к коммуникативной политике связаны с изживанием "звериных начал" насилия, со все более отчетливым, "совершенным", если пользоваться словарем Аристотеля, выявлением "природы" человека общающегося или "полисного животного" (*zoon politikon*). Ориентиром такого "обретения цветущей сложности" являются т.н. демократические принципы и ценности. С их помощью мы оказываемся в состоянии оценить степень собственной очеловеченности и меру гуманистичности нашей политики. Было бы, однако, опасно впасть в догматизм, отказываться видеть непростоту жизни за отвлеченной схемой прогрессивного усложнения политики. Демократические принципы, как и более простые принципы бюрократического по сути благочиния (полицеизма), важны не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они способны действительно помочь в решении практических проблем, обеспечить эффективные организацию и целедостижение. Демократия, как мы попытаемся показать в специальном разделе учебника, не навязывается. Она вырастает не из абстрактных принципов, а возникает в результате решения головоломных проблем Современности (*Modernity*) — эпохи образования крайне сложных политических систем, двуединств наций-государств и гражданских обществ, которые обладают и характеризуются такими качествами, как суверенитет, конституционность, легитимность и т.п. Это все многовековые достижения, которые нельзя просто механически ввести. Их можно и нужно созидать, но для этого требуется понимание сложности политики, овладение вполне современным политологическим знанием.

Как нетрудно заметить, разные типы политики используют противоречащие друг другу логики и глубоко различны по своей сути. Помимо того, что переход на более сложный уровень организации отнюдь не предполагает ликвидации, или революционного сокрушения, более простых (они как бы переходят "в запас"), на практике приходится иметь дело не с "чистыми" типами, представленными выше, а с запутанным и нередко весьма противоречивым соединением сторон и моментов различных "политик". Это в значительной степени объясняет разногласия в трактовках сути политики, объема и содержания данного понятия.

Освоение многообразного содержания политики, выявление различных сторон этой сферы, особого "аналитического плана" человеческого существования составляют смысл и логику развития самой политической науки. Как уже отмечалось, истоки политической мысли находятся в глубокой древности. Первые попытки осмыслить суть организации людей и возможности целедостижения не были, конечно, научными. Для того, чтобы предотвратить директивно-деспотическую политику достаточно было мифологии. Усложнение самой политики вело к осмыслению ее людьми на более высоком уровне интеллектуальной деятельности. Это развитие рассматривается в специальном курсе истории политических учений. Здесь же представим в самом схематичном виде политологию как современную академическую дисциплину.

Обучение политологии в университетах, как отмечалось во введении к учебнику, начинается во второй половине прошлого века. Первоначально такое обучение было связано, как правило, с изучением основных институтов государства и их функционирования. Ранняя политология была родом государственоведения, отпочковавшегося от юриспруденции. Однако с самого начала угол зрения политологов был принципиально отличен от юридического. Правоведы учили, каким должно быть государство в соответствии с наличными законами и утвердившимися обычаями. Политологов же интересовало, как оно фактически функционирует.

Очень скоро политологи вышли за пределы анализа только государственных институтов. Изучение гражданского общества позволило в конечном счете сформулировать новую дисциплину — политическую социологию, а познание политического поведения людей — политическую психологию. Возникновение этих дисциплин произошло в первые десятилетия нашего века благодаря использованию общесоциологической теории и конкретных социологических исследований, с одной стороны, и психологии — с другой.

Изучение политических процессов в странах Азии, Африки, Австралии привело к образованию новой отрасли политологии — политической антропологии, которая основана на применении этнографических и культурологических методов для исследования политических явлений. Выработка специфических методов рассмотрения политических культур в рамках политической антропологии стала впоследствии одним из важнейших источников образования самостоятельной научной дисциплины — сравнительной и ретроспективной политологии, получившей мощное развитие уже после второй мировой войны.

Рассмотрение роли окружающей среды и географических факторов в политике позволило создать геополитику, которая после первой мировой войны получила одностороннее развитие, а после второй мировой войны стала вспомогательным разделом другой политологической дисциплины — международных исследований, предметом которых являются международные отношения и мировая политическая система.

В 50-е годы с развитием собственно политологических аспектов общесоциологической теории и с усвоением достижений системного анализа, а также кибернетики, структурализма и семиотики возникает т.н. структурно-функциональный анализ как особая политологическая дисциплина (ее точнее можно было бы назвать системной политологией) — методологическое и теоретическое ядро современной политической науки в строгом и точном смысле слова. Упомянувшийся уже Т.Парсонс считается одним из создателей структурного функционализма. Следует признать, однако, что несмотря на основательность функционалистской парадигмы (системы научных принципов и подходов) и ее развитие в последние годы т.н. неофункционализмом, есть немало других подходов и школ, включая, например, неомарксистские, которые также претендуют на разработку политической теории.

В последние десятилетия вокруг политической теории, отчасти отпочковавшись от нее, возник целый ряд специальных отраслей, например, политическое моделирование и анализ политического дискурса (языка и общения). Последняя отрасль непосредственно связана с политической семиотикой, представляющей собой использование методов семиотики, логики и лингвистики для изучения политических явлений. На этой основе начинает складываться самостоятельная дисциплина — коммуникативная политология.

Таким образом, основу политологии составляет собственно политическая наука, которая прежде всего образует своего рода ядро — политическую теорию, включающую прежде всего системную политологию. Другие отрасли политической науки имеют характер эмпирических дисциплин (анализ и моделирование политических процессов, описание электорального поведения и т.п.), или опосредуют теорию и эмпирические исследования. Таковы прежде всего коммуникативная политология, геополитика и международные исследования. Яркое проявление своей роли связующего звена между политической теорией и эмпирическими исследованиями сравнительная и ретроспективная политология. К эмпирическим отраслям

политологии примыкают и сливаются с ними дисциплины, развившиеся в рамках других наук, но в силу сугубой ориентации на собственно политический предмет исследований получившие явственное политологическое оформление — политическая социология, политическая психология, политическая антропология, политическая семиотика и др.

Помимо перечисленных дисциплин с политологией тесно связаны имеющие собственные глубокие традиции политическая философия и политическая история, а также политическая экономия, которая изучает не просто фундаментальные принципы экономики, а выявляет социальный смысл и содержание хозяйственной деятельности людей.

Методическая разработка к семинарским занятиям по теме "политика и политология":

Критерии научного знания. Возможно ли научное знание о политике?

Политика как общественное явление. Происхождение политики. Становление политики, политических отношений и институтов как результат исторического развития.

Различные концепции и интерпретации политики. Директивно-деспотический, функциональный и коммуникативный аспекты политики.

Среда политики. Политика и экономика. Политика и культура.

Субъекты политики. Политика как наука и искусство. Знание и интуиция в политике. Политика и нравственность.

Политология как общая наука о политике. Становление и развитие политологии. Специфика политологического знания. Политология и другие общественные науки. Политологические дисциплины. Политическая социология. Политическая психология. Политическая философия. Политическая антропология. Сравнительная политология. Теория политики.

Методы и приемы политологического анализа. Системный подход к изучению политики. Структурный функционализм, политическая семиотика, анализ политического дискурса. Политология и политическая практика.

Рекомендуемая литература:

Аристотель. Политика. — Соч. в 4-х томах. Том 4, М., 1983.

М. Вебер. "Объективность" социально-научного и социально-политического знания. — Избр. произв., М., 1990.

М. Вебер. Политика как призвание и профессия. — Избр. произв. М., 1990.

М.В. Ильин, Б.И. Коваль. Что есть политика и что — наука о политике.— "Полис", 1991, № 4.

26 основных понятий политического анализа (раздел 1). — "Полис", 1993, № 4.

Основы политической науки (под ред. В.П.Пугачева), часть 1, М., 1993, гл. 1-3.

К.С. Гаджиев. Опыт введения в политологию. Концептуальный и методологический аспекты. "Полис", 1992, № 1-2.